

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПОСТУПИВШИХ
ДЛЯ КНИГИ «КОГДА ПУШКИ ГРЕМЕЛИ...»

ПОЛИТРУК КУЗА

Он был броской фигурой, запоминающейся надолго. Как сейчас вижу его стоящим в зрительном зале театра (он любил стоя смотреть или вести репетицию). Высокий, подтянутый, красивый человек, отличный организатор, талантливый режиссер и актер. В списке его творческих удач — образы наших современников: коммунист Бродский из «Интервенции», сын трудового народа Семен Котко из спектакля «Шел солдат с фронта». Он стоит закинув голову, глаза сощурены, а указательным пальцем правой руки он чуть натягивает веко — так было лучше смотреть его плохо видящим глазам.

Многих вахтанговцев, возможно, удивит заголовок этой заметки. Василий Васильевич Куза, человек глубоко штатский, в таком звании? Да, звание политрука ему присвоила война. В этом звании и оборвалась его яркая жизнь актера-коммуниста.

22 июня 1941 года. Воскресенье. 12 часов дня. Словами «война, паровое, кажется парадом» на сцене Театра имени Вахтангова начинается спектакль «Фельдмаршал Кутузов». Коллектив еще живет обычной жизнью. Накануне вечером состоялась премьера драмы Лермонтова «Маскарад». И хотя новый день несет свои заботы, теснит вчерашнее волнение, отзвук этого события живет в душе каждого вахтанговца. Всех, естественно, интересует, какой резонанс вызвала премьера у московской общественности.

В новом спектакле Василий Куза выступал в роли князя Звездича. Это его последняя работа. Великолепные внешние данные, зрелое мастерство артиста принесли ему и в этой роли заслуженный успех. А в тот день — 22 июня — я застал его сидящим у себя в уборной в пестром одеянии английского комиссара — сэра Роберта Вильсона.

Удивительное чудо — театр! В нем, как в сложнейшем, предельно точном механизме, все выверено, все взаимодействует, одно подталкивает другое, сцена и кулисы связаны тысячами зримых и незри-

мых нитей. Василий Васильевич мысленно сейчас на сцене. Мягкий звук репродуктора доносит до него диалог Наполеона с Лористоном. Скоро его выход...

Да, все было как вчера, как месяц, как год назад. Но вдруг в тишине зрительного зала раздался мужской голос: «Полковника Астахова просят выйти в фойе!». На какое-то мгновение на сцене произошло замешательство, потом все пошло своим чередом. А вскоре вызвали еще кого-то. Еще...

Совершенно сбитый с толку таким происшествием, я выбежал в фойе и направился к стоявшей у входа в партер билетерше. По ее бледному лицу и дрожащим губам я понял, что случилось что-то недоброе. «Война началась, — чуть слышно прошептала она. — Немцы напали на нас...».

Так необычно ворвалась в театр эта весть. Так началась военная биография вахтанговского коллектива.

Когда я вернулся за кулисы, все уже знали о начавшейся войне. Куза сидел на прежнем месте. Хмурый, задумчивый. Приходили и уходили актеры. Но никто ни о чем не говорил. Только один спросил: «Что будем делать теперь?». Куза ответил: «Играть. Хорошо играть!».

Актеры играли в этот день вдохновенно. Патриотический спектакль об Отечественной войне 1812 года, как бы озаренный отблесками только что начавшейся войны, зазвучал с поразительной силой. Непокоримая вера Кутузова в богатырские силы русского солдата, пламенные призывы Багратиона отдать жизнь, но родины и чести не отдавать никому — все это явилось прямым ответом театра коварному и жестокому врагу, вероломно напавшему на нашу землю. Теперь слова главных героев спектакля были адресованы не только сидящим в зале, они были обращены и к тем советским воинам, что героически сдерживали натиск вооруженных до зубов фашистских орд. Спектакль стал своеобразной переключкой эпох, переключкой поколений

мужественных защитников Отчизны.

В тот же день собрались коммунисты театра. Обсуждали один вопрос: театр и война. Помню, что то бросил: «Стране сейчас нужны люди с оружием, а не оружие искусства!». Но это суждение со всей категоричностью было отвергнуто коммунистами. Твердость их партийной позиции выражало принятое решение: искать драматурга и вместе с ним делать пьесу о сегодняшнем дне, о самом главном событии в жизни советского народа — войне. И одновременно, не дожидаясь, когда будет написана вся пьеса, делать спектакль.

Военный профиль театра с каждым днем вырисовывался все четче. Почти все студенты Училища имени Щукина и значительная часть молодых актеров труппы ушли на строительство оборонительных рубежей. Отдельные добровольцы уходили в народное ополчение. Не умолкало и оружие искусства: шла напряженная творческая работа — спектакли на основной сцене, выезды с концертами в воинские части, на сборные пункты, в госпитали. С Дальнего Востока возвращалась наша военно-шефская бригада, обслуживавшая на острове Сахалине военно-пограничников. Эта группа должна была стать костяком фронтового филиала Театра имени Вахтангова.

Это были предельно напряженные дни. В сложном переплетении выступали вопросы творческие и военные. И чтобы механизм театра не разладился, чтобы не нарушилось взаимодействие всех его звеньев, чтобы сохранился четкий трудовой ритм, нужны были волевые люди, преданные делу театра организаторы. Вахтанговский коллектив всегда был славен такими людьми. Объединенные в художественном совете, они отлично дополняли большого художника сцены Рубена Николаевича Симонова, тогда уже стоявшего во главе театра. В этом ансамбле своей исключительной энергией выделялся Ва-

сильий Васильевич Куза — актер, режиссер, наш парторг.

Между тем театр постепенно становился и нашей казармой. Сначала появилась койка в одной из комнат бухгалтерии. В ней, переехав со своей загородной дачи, поселился драматург Борис Войтехов. Вместе с режиссером Николаем Павловичем Охлопковым они приня-

лись за работу над новым спектаклем. По замыслу автора пьесы, ее действие начиналось в Европе, где хозяйничали гитлеровцы, потом разворачивалось на фронте, в советском тылу.

У меня сохранилось несколько листков из дневника тех дней. Вот что в них написано:

«17 июля 1941 года. В 10 часов утра вместе с Р. Симоновым и Н. Охлопковым были в Комитете по делам искусств с первым актом пьесы Б. Войтехова «Здравствуй, оружие!». Охлопков рассказал план пьесы и прочитал отрывки «Ювирная», «Швейная». Слушали: М. Храпченко, А. Солодовников, Г. Фалковский, В. Радомысленский. Замечания вызвала ключеватость сцен. Разрешено приступить к репетициям».

«В 15 часов состоялось заседание художественного совета театра и режиссурой. На повестке дня: план пьесы Войтехова «Здравствуй, оружие!» и читка первого акта. Рассказывал и читал Н. Охлопков. Большинство приняло хорошо».

Положение на фронте ухудшалось. Все чаще стали беспокоить воздушные тревоги. Наши военные заботы сосредоточились теперь на подготовке группы самозащиты, в которую были включены почти все работники театра: мужчины — в звено охраны, женщины — в санитарное звено. Шли спектакли, шли концерты, шли репетиции новой пьесы, а в свободные часы актеры и другие сотрудники постигали секреты борьбы с зажигательными бомбами, последствиями налетов вражеской авиации, учились оказывать помощь пострадавшим, обслуживать бомбоубежища в подвале театра. Было введено круглосуточное дежурство, койки появились и в других помещениях. Начальником группы самозащиты был директор театра, а политруком — секретарь партийной организации В. Куза.

Москва мобилизовала все силы на помощь фронту. Формировались дивизии народного ополчения. В один из июльских дней на Арбате, у главного подъезда театра выстроился отряд человек из сорока. Впереди были Василий Куза и я, тогдашний директор. А еще впереди — духовой оркестр. Грянул марш, и отряд вахтанговцев-ополченцев, провожаемый толпами людей, выстроившихся по обеим сторонам улицы, направился на сборный пункт в район «Мосфильма».

Первые фашистские стараятки прорвались к Москве 22 июля 1941 года. В тот же день первое боевое крещение получила и наша группа самозащиты. Несколько «зажигалок», пробив крышу театра, упало на чердак. С ними справились легко и быстро. Труднее было с бомбами, попавшими в крышу над сценой. Ее сложное акустическое уст-

ройство — слой железа, дерева, шлаковой ваты, потом опять дерева и железа — оказалось достаточно прочным. Бомбы застряли в нем, воспламенив шлаковую вату. Всю ночь шла напряженная борьба с огнем. Чтобы предупредить большой пожар, пришлось поднять всю крышу.

Известно, как опасна и уязвима в пожарном отношении театральная сцена. Пока «верхолазы» действовали наверху, внизу ее безопасность обеспечивали Василий Куза, Анатолий Горюнов и другие бойцы группы самозащиты. На рассвете приехал председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко, он был очевидцем того, как самоотверженно вахтанговцы отстояли от огня свой театр. А днем, когда все волнения остались позади, мы с Кузой были приглашены в комитет: нам высказали самые высокие слова благодарности и одновременно рекомендовали еще больше усилить охрану, принять меры для полной безопасности людей. Этой ночью огонь зениток был весьма интенсивным, немало бед причинили осколки снарядов, падавшие на московские улицы.

Пока мы возвращались в театр, Куза придумал оригинальную экипировку для группы самозащиты — немецкого образца сапоги из нового спектакля (они уже были сшиты), летние комбинезоны из сошедшей с репертуара пьесы и железные каски французских солдат из «Интервенции».

Новый вечер был похож на вчерашний. Около десяти часов — опять воздушная тревога, опять за окном топот ног спешащих в убежища людей, опять светомаскировка. Дежурящие встали на свои места. Все были одеты «по форме» — сапоги, комбинезоны, каски. Немало повеселил всех Михаил Сидоркин, явившийся на дежурство в остроконечной каске кайзеровского офицера, которого он играл в спектакле «Шел солдат с фронта». Только Василий Васильевич почему-то остался в своем любимом светло-коричневом костюме. «Ничего не нашлось по моему росту», — шутил он.

В ночь с 23 на 24 июля над Москвой действовала истребительная авиация. В небо тянулись длинные лучи прожекторов, иногда они «схватывали» вражеский самолет и, точно на руках, не выпуская, несли его к гибели. Говорили, что в этот момент в хвост фашисту пристраивались наши «ястребки».

К двум часам ночи все как будто бы стихло. Обойдя посты, я спустился во двор. Встретившийся мне комендант правительственной ложи сказал: «А в небе кто-то еще гуляет...». Мы прислушались. С большой высоты доносился едва различимый гул самолета. В вестибюле мы разошлись. Необычное одеяние заставило взглянуть на свое отражение в зеркале. В это время за моей спиной раздался глухой взрыв. Свет погас, в нос ударил едкий запах взрывчатки, в глаза, рот, ноздри полезла сухая пыль. Было слышно, как где-то на улице надрывно кричит женщина: «Помогите! Помогите!». Я побежал на крик и не поверил своим глазам: прямо из вестибюля был виден дом, стоявший на углу Арбата и улицы Вахтангова. В магазине, который помещался в нем, начался пожар. Сквозь выбитые стекла было видно, как огонь пожирает легкие занавески. Через какие-то секунды внутри магазина замелькали две фигуры в касках из «Интервенции». Наши бойцы принялись тушить пожар.

Фугасная бомба огромной взрывной силы попала в правый угол театра. Часть вестибюля, красное фойе, часть зрительного зала были разрушены. Там, где помещался штаб группы самозащиты, где была комната Войтехова, лежали одни развалины. Что с Кузой? Что с другими товарищами? Всего несколько минут назад я беседовал с Михаилом Державиным, Николаем Пажитновым, Владимиром Осеневым. В эту ночь здесь был весь цвет театра, все коммунисты. Дверь в комнате коменданта правительственной ложи была вырвана, внутри горел свет, стоявший на столике телефон был покрыт толстым слоем извести и цемента. Подняв трубку, я услышал гудок. Первый звонок был в райком партии, и первая просьба: прислать в театр аварийную команду.

...Очевидцы рассказывали, что когда наступило то затишье после налета, дежурившие поблизости люди стали выходить в вестибюль. Здесь был и Куза. После долгих часов напряженной хотелось выйти на улицу, вдохнуть свежий воздух. Стояли под козырьком главного входа. Смеялись, шутили. Вдруг над головой послышался все нарастающий свист падающей бомбы... «Назад! В бомбоубежище!» — крикнул Куза и стал буквально заталкивать всех в дверь. Сам побежал последним. В вестибюле он на мгновение остановился, желая убедиться, что никто не остался на улице. Тут и подхватила его взрывная волна, ударив об одну из колонн...

В те дни не устраивали торжественных похорон. Но имя заслуженного артиста республики, политрука Василия Васильевича Кузы торжественно и навсегда врезалось в мрамор мемориальной доски, установленной в главном фойе заново отстроенного после войны театра. Оно стоит в ряду 36 вахтанговцев, погибших на фронте и в тылу во время защиты своей славной Родины и своего родного театра в дни Великой Отечественной войны.

Я. РЫЖАКИН.